

© О. А. Карлова, Н. П. Копцева, К. В. Резникова, А. А. Ситникова

DOI: [10.15293/2658-6762.2004.12](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2004.12)

УДК 316.72+378

Воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры

О. А. Карлова, Н. П. Копцева, К. В. Резникова, А. А. Ситникова (Красноярск, Россия)

Проблема и цель. В конце XX – начале XXI веков наблюдается рост популярности в культуре произведений в жанре фэнтези, об этом свидетельствует высокий читательский спрос на книги Дж. К. Роулинг, Дж. Р. Р. Толкина, К. Льюиса и др., а также большое количество экранизаций произведений этих авторов. Произведения в этом жанре изначально ориентированы на детей младшего школьного возраста и подростков, но одинаково привлекают читателей самых разных возрастных групп. Исследовательская проблема связана с тем, чтобы объяснить причины массового увлечения подростковой литературой в современной культуре, а также понять причины отсутствия литературы в жанре фэнтези в школьной образовательной программе, несмотря на его популярность у школьников.

Цель – определить воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры.

Методология. В исследовании применены метод теоретического анализа и обобщения результатов существующих исследований в области фэнтези; метод смыслового структурирования; метод смыслового синтеза. В качестве материала исследования выступают произведения жанра фэнтези Дж. К. Роулинг, Дж. Р. Р. Толкина, К. Льюиса и др.

Результаты. На основании проведенного исследования установлено, что основной причиной популярности литературы в жанре фэнтези у разновозрастной читательской аудитории является то, что такая литература представляет собой современные нео-религиозные тексты, отвечающие за восстановление связи всего со всем, как это и было в синкретичном древнем мифе. Произведения в жанре фэнтези адресованы подросткам, но в культуре рубежа XX–XXI веков подросток становится идеальным актором, так как находится в ситуации выбора и в состоянии готовности к изменениям, поэтому подростковое сознание становится свойственным большинству людей.

Карлова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, кафедра рекламы и социально-культурной деятельности, Сибирский федеральный университет.

E-mail: okarlova@sfu-kras.ru

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, заведующий кафедрой, кафедра культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет.

E-mail: decanka@mail.ru

Резникова Ксения Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет.

E-mail: axu-ta@mail.ru

Ситникова Александра Александровна – кандидат философских наук, доцент, кафедра культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет.

E-mail: alexsemenova@gmail.com

Причины игнорирования фэнтези со стороны образовательной системы достаточно разнообразны: понимание фэнтези как средства эскапизма, причины инфантилизма и виртуального бунтарства; как альтернативной формы институционализированной религии; сильная экономическая составляющая популярности фэнтези. Но при этом ущемляется и явно положительный образовательный потенциал фэнтези – ярко выраженная креативная функция, способствующая переходу от роли читателя к роли писателя.

Заключение. *Основной воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры заключен в том, что фэнтези оказывает мощное влияние на духовное образование, на формирование личности подростка, являясь альтернативой институционализированной религии, помогая найти смысл и цель жизни; фэнтези привлекает читателей к науке; усиливает туристическую привлекательность за счет волшебной составляющей места; фэнтези способствуют развитию креативности у подростков, побуждая читателей к собственному творчеству.*

Ключевые слова: *фэнтези; школьная образовательная программа; внеклассное чтение; подростковая культура; взросление; Толкин; Роулинг.*

Постановка проблемы

В последние десятилетия состояние чтения претерпевает радикальные изменения во всем мире [1], в том числе и в России. Наблюдается сокращение времени, уделяемого чтению, количества прочитанных текстов. При этом фэнтези не только не теряет свою аудиторию [1], но даже становится все более популярным [2]. В школьной программе по литературе фэнтези отсутствует, хотя подростки являются основой читательской аудитории произведений данного жанра. В связи с этим обнаруживается исследовательская проблема, заключающаяся в отсутствии понимания причин очевидного расхождения между, с одной стороны, усиливающейся значимостью фэнтези для подростков, и с другой – игнорированием образовательной системой этого жанра.

Изучение разработанности данной проблемы в научной литературе позволило обнаружить отсутствие обобщений, касающихся причин значимости фэнтези для подростков (и для других групп читателей), роста популярности фэнтези. Хотя в академическом поле присутствуют тексты, фиксирующие, что «научная фантастика и фэнтези являются

обычной частью жизни для широкого круга людей» [1]; что к особенностям научно-фантастического и фэнтезийного жанров чувствительны даже дети 4–6 лет [3].

В основном исследования фэнтези носят узкоспециальный характер и их можно разделить на несколько основных блоков: лингвистический, социологический, религиоведческий и т. п. К лингвистическим относятся работы, в которых исследуются эмоциональный оттенок слов, их потенциал в вызывании эмоционального взаимодействия читателя с текстом [4]; авторские языки фэнтези на примере построения ономастики [5; 6]; гендерная специфика речей персонажей [7]. Дж. М. Одриццола акцентирует важность лингвистической составляющей произведений Толкина, указывая на первичность слов по отношению к историям, рассказанным для развития смысла этих слов [8]. На особенности метатекстов в фэнтези, на уровне повествования, на размышления о процессе чтения обращает внимание в своей работе А. Л. Понс [9].

К социологическим можно отнести исследование М. Адамиак, в котором фэнтези, в частности роман У. К. Ле Гуин «Левая рука тьмы», рассматривается как пространство для

мысленных экспериментов, например, существования общества андрогинов [10]. М. Адамиак не только изучает возможные особенности такого общества, но и возможности фэнтези и фантастики вообще для проведения социальных экспериментов. В этом же ключе – фэнтези как платформа для мысленных экспериментов – проводит свое исследование Е. Краатила, указывая на фэнтези как на «средство примирения с различными реальностями» в условиях «пост-правды» [11]. На примере фэнтези рассматриваются и отдельные социальные феномены, например, мужская дружба [12], проблематизация гендерных вопросов [7], экология, экокритицизм и ответственное потребление [13].

В отдельную группу можно выделить исследования, в которых поднимается вопрос соотношения фэнтези и религии. А. Апостолдес и Дж.-А. Мейлан обращают внимание на связь между поворотом к «живому богословию» и фэнтези как альтернативе институционализированной религии [14]. В контексте вопросов религии М. Юрикова поднимает вопрос о боли в произведениях Дж. Р. Р. Толкина – является ли она формой наказания или средством достижения спасения [15]. Интерпретации библейских сюжетов Дж. Р. Р. Толкином, сближение в этом процессе исторического и аллегорического изучает Д. Лавински [16]. А. Инлэс рассматривает уживаемость в рамках фэнтези культур коренных американцев и жителей Южной Азии, обращая особое внимание на конкурентоспособность фэнтезийных ролевых игр среди общепризнанных религий, а также на возможность построения именно с помощью фэнтези мультикультурализма [17].

Достаточно большое количество исследований ставят акцент не столько на анализе содержания произведений фэнтези, сколько на особенностях бытования фэнтези как жанра, на его различных формах. Б. Дж. Робертсон на

примере серии «Dragonlance» рассматривает два источника для огромного количества произведений, входящих в серию – это игровые пространства «Подземелий и драконов» и ранние фэнтези-романы – и поднимает вопрос о роли франшизы в современной культуре вообще и в фэнтези в частности [18]. К. Уилкинс также обращает внимание на феномен фандома – на особую модель производства текстов фэнтези, развивающую сам жанр, а также придающую ему уникальность среди других жанров [19].

Д. Гатфелд поднимает вопрос о качестве переводов фэнтези и других жанров спекулятивной фантастики с английского языка на польский в условиях роста языковой компетенции читателей, выделяя в качестве одного из важных факторов для признания перевода его связь с другими произведениями фэнтези, особенно с аудиовизуальными [20]. Региональные особенности интересуют также Е. Д. Варуджес, чей интерес сосредоточен на «индийском фэнтези» и сопутствующих вопросах – как оно коррелирует с индуистской мифологией, что общего имеет с современной жизнью индийцев и т.п. [21].

В исследовании П. Ценг и В. Каллаган фэнтези предстает источником инноваций, «шаблоном инновационных достижений» [22]; но к результатам данного исследования закономерно возникают вопросы, поскольку авторы привлекают фэнтези прежде всего не в текстовой форме, но в аудиовизуальной (фильмы), в связи с чем закрадываются сомнения – точно ли источником инноваций является именно фэнтези, а не кинематограф. Исследование О. Бина, С. Матеус, Л. Перейра, А. Каффа, в котором связываются фэнтези и творческое предвидение, обнаруживает, что ряд этических проблем оказывается неотделим от технологий, науки и инноваций [23]. Связь фэнтези с наукой прослеживается и на

другом уровне – исследователи обнаруживают по отношению к научной фантастике [1] и фэнтези [24] потенциал привлечения читателей к научным исследованиям. Для Дж. Ловелл фэнтези становится усилителем туристической привлекательности исторических локаций [2].

В процессе ознакомления с актуальными научными исследованиями фэнтези обнаружилось отсутствие попыток выявить общие черты, присущие не только различным текстам, но и разным авторам, работающим в данном жанре. Напротив, исследователи как правило выбирают в качестве материала произведения одного автора и достигают в итоге уровня обобщения авторского вклада в фэнтези, авторского стиля. Наиболее актуальными среди исследователей ожидаемо оказываются Дж. Р. Р. Толкин [6; 8; 13; 15; 16], Дж. К. Роулинг [2; 4; 7; 9; 14; 24; 25] и У. Ле Гуин [5; 10].

Анализ исследовательской литературы позволил обнаружить отсутствие разработанности заявленной в настоящей статье проблемы, а также достаточно узконаправленный характер большинства академических работ, не делающих обобщений, касающихся причин роста популярности фэнтези и игнорирования этого жанра со стороны образовательной системы. В связи с этим цель настоящей статьи – определить воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры.

Методология исследования

В настоящем исследовании применены следующие методы: метод теоретического анализа и обобщения результатов завершённых исследований в области фэнтези; метод смыслового структурирования, базирующийся на идее Ю. М. Лотмана о восприятии текста как «сложно построенного смысла»

(метод сводится к отказу от строгих логических понятий, которыми мог бы быть выражен смысл, в угоду поиску и раскрытию смысла с привлечением субъективного опыта читателя); метод смыслового синтеза, включающий в себя определение смысла художественного текста в целом и определение главной мысли. В качестве материала исследования выступают произведения жанра фэнтези Дж. К. Роулинг, Дж. Р. Р. Толкина, К. Льюиса и др.

Результаты исследования

В настоящее время для читающих российских подростков характерны следующие тенденции: 1) трансформация чтения из физической среды в электронную; 2) все большее влияние на чтение подростков оказывает визуальная культура; 3) изменяется характер чтения, оно становится более фрагментарным, клиповым; 4) усиливаются гендерные различия в чтении. В свободном («внешкольном») чтении современных российских подростков преобладают такие жанры, как приключения, нуар, мистические триллеры, любовные романы. Но самым популярным жанром для чтения является «фэнтези». Оценки экспертов этой популярности не всегда позитивны. Часть экспертов полагает [9], что увлечение книгами этого жанра дезадаптирует подростков, уводит их в «выдуманные миры», затрудняет социализацию. Возможна и другая позиция [8; 14; 17]: в литературных произведениях фэнтези существуют определенные качества, которые позволяют им занять нишу классических сакральных религиозных текстов, предназначенных восстановить социальную солидарность, связать различные социальные миры в подобие космоса с четкой структурой и предзаданными смыслами существования.

Жанр фэнтези сформировался относительно недавно: ему менее ста лет. Оформление фэнтези уже очевидно в «Хрониках Нарнии» К. Льюиса (1950) и в трилогии «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина (1954–1955). Конечно, переплетение реального и сверхъестественного роднит этот жанр с волшебной сказкой и древним эпосом. Но «этика колдовства» в нем представлена куда более последовательно и обоснованно, как и сам универсальный мир-утопия, на подробной карте которого оказываются неразрывно связанными обычные и чудесные природные феномены, привычные и небывалые существа, волшебные и «невошебные» народы, мистические и вполне обыкновенные поселения.

Жанр фэнтези характеризуется историческими шифрограммами и обилием историко-культурных реалий. Он способен продуцировать «миры» и «истории» в их цельности, многообразии и этико-магической логике развития. Это не только мифоистория, придуманная по универсальным законам человеческой культуры, не только создание героических образов, индивидуальных и архетипичных одновременно. В своих лучших образцах фэнтези привлекает читателей яркостью и многосмыслием художественного текста, несущего в себе гуманистическое наследие и насыщенного аллюзиями, символическими знаками и культурными реминисценциями. В этом заключается органичность фэнтези современному сетевому информационному обществу, с одной стороны, а с другой, потенциал максимальной свободы от его ограничений, так как читатель – в отличие от сетевой модели – вправе при чтении выбирать для себя ту коммуникативную стратегию, которая ему нравится.

Известно множество разновидностей жанра фэнтези – юмористическое фэнтези, детективное фэнтези, «славянское фэнтези» и

десятки других инвариантов. Такое разнообразие обеспечивает читателям жанра фэнтези возможность найти и подобрать художественные произведения на свой индивидуальный вкус, в соответствии со своими предпочтениями. Сам жанр обретает уникальное качество, когда произведения, созданные в этом жанре, становятся одинаково интересны читателям всех возрастов и полов (детям, взрослым, мужчинам и женщинам), что и определяет такое усиленное внимание кинопродюсеров к экранизации данных произведений в XXI веке, когда главную прибыль приносят фильмы, объединяющие разновозрастную целевую аудиторию.

Несмотря на популярность фэнтезийной литературы среди читателей всех категорий, необходимо помнить, что изначально фэнтези адресованы детям и подросткам. Понимание этого, дает возможность более точно понять его специфику. С младшими школьниками все относительно просто: «магическая фантазия», яркая предметная сказкография и захватывающий приключенческий хронотоп – традиционно главные составляющие интереса в такого рода повествованиях. Основная деятельность детей в этот период – обучение, которое лучше всего усваивается в игровой форме. И для первого, и для второго фэнтези представляет безграничные возможности. И главное: детям близки и понятны схожие по возрасту герои фэнтези, модели взаимоотношений, характерные для жанра «школьной повести».

Помимо младших школьников, фэнтези представляет интерес для подростков. В контексте настоящего исследования как раз необходимо разобраться, чем фэнтези интересны подросткам. Их сверстники, герои фэнтези 11–15 лет, отделены от семьи жизненными обстоятельствами либо вообще большую часть приключенческого времени проводят в осо-

бых местах. В этих местах основной круг общения героев – круг равных им по возрасту и жизненному опыту. Это то, что особенно ценят подростки, переживающие один из самых сложных кризисных периодов, когда окончательно формируется личность, выходя из семьи в самостоятельное существование. И это новое рождение проходит в конфликте с самим собой и с миром. Отрыв от семьи, смена приоритета деятельности с учебной на интимно-личностное общение, мощный зов во взрослую жизнь подростка, еще не ставшего взрослым, в фэнтези получает свое последовательное воплощение.

Самоидентификация с поколением, формирование при этом важнейших представлений о дружбе, честности, преданности, и в то же время обнаружение своей личностной особенности происходит в фэнтези на фоне резкого усиления самостоятельности героев в решениях и действиях. Это тем более важно, что подростковый период в силу психолого-физиологических изменений чреват перепадами настроения, непредсказуемостью поведения, и доминанта ответственности, ложащейся на плечи героя-подростка, помогает обрести позитивные ориентиры. По существу, герои фэнтези – это подростки-взрослые: органичное и быстрое «взросление» связано с огромной ответственностью, которая в ходе приключений ложится на них. Но именно этого быстрого взросления и общественного признания жаждет подросток – а взрослые чаще всего продолжают относиться к нему как к ребенку. И вот погруженный в себя и силящийся разобраться в своих отношениях с миром, он вдруг нащупывает похожие вопросы и модели отношений в фэнтези – и чаще всего радостно принимает подсказки. Причем, в отличие от взрослых, фэнтези мифологически достоверно обосновывает как бремя ответственности, которое подросток-взрослый берет на себя, так и

социальные запреты, которые при этом нельзя нарушать, и голос здравого смысла, который должен быть услышан. Здесь истоки колоссального педагогического потенциала фэнтези, позитивно канализирующего подростковое бунтарство. Поэтому не случайно, что возраст рекрутинга членов Толкинистских клубов и «ролевиков», как и возраст пика литературной и кинематографической фан-моды, это подростковый период.

Юношеская аудитория особенно выделяет три важнейшие для нее характеристики фэнтези: особое место действия, средства действия и собственно само действие. Если волшебная среда завлекает, магические средства интригуют, то собственные усилия героя вооружают подростка моделями поведения в кризисной ситуации. В литературном повествовании кризисная ситуация, в которую попадает герой, почти всегда онтологизирована. Это очень важно для подростка, который в реальной жизни часто выглядит (и является) причиной конфликтов и кризисов. Открыть самому себе собственную причину войны с миром – задача жизненно важная. Именно на это нацелена антиутопия как течение жанра фэнтези. На начало 2010-х гг. пришелся значительный рост книг в жанре подростковых антиутопий. С многочисленных вампирских серий, толчок к популярности которым дали «Сумерки» С. Майер, внимание подростков переключилось на других героев и другие истории. Вместо тайного мира невероятной силы прямо под боком – зловещее будущее, сковывающее строгими правилами, а вместо героини, пассивно блуждающей в любовном треугольнике между вампиром и оборотнем, – революционерка с луком и стрелами, готовая убивать. «Голодные игры» стали особенно популярны после выхода одноименного фильма и породили множество вариаций на тему антиутопического будущего и подросткового

бунта. Вот только теперь подростки восстают не против своих родителей или школы, а против целого мира, их протест заключается не в отказе носить школьную форму, а в категорическом неприятии всего миропорядка.

Можно поддержать вывод большинства ученых о психологической, когнитивной и бытийной органичности фэнтези именно подростковому возрасту: в произведениях данного жанра подростку предлагается умозрительный выбор своей будущей культурной, социальной и гендерной траектории в мире и обществе. Не здесь ли кроется небывалая, продолжающая нарастать популярность жанра во взрослой аудитории? Возможно, на распутье формирования или потери чего-то важного стоит не только современный подросток?

Журналы по социальной психологии изобилуют статьями о таком явлении, как эскапизм применительно к жителям современных мегаполисов. В основе его – бегство от жизненных проблем, предпочтение воображаемого иллюзорного виртуального мира. Есть и эскапизм внешний – реальное бегство «в природу», в экологический охотничий или крестьянский быт. Этот бунт горожанина сродни бунту подростка, но то что у последнего является фазой роста и при удачной социализации может измениться, у взрослого человека превращается в сформировавшуюся доминанту социальной инфантильности. Представление себя в мире фантазий дает и психологическую защиту, и удовлетворение. И одновременно вполне может усугублять кризисные явления вокруг человека в реальной жизни.

Другое качество подростковой культуры как совокупности способов жизни и самовыражения подростков, экстраполирующейся в современном мире на взрослую городскую жизнь и самовыражение горожан, – податливость внешнему управлению и манипуляциям,

включая массовую культурную коммерциализацию. Потребительская способность молодежи в XXI в. значительно выросла, но возможно, ее рост объясняется тем, что к ней – все масштабнее потребляя ее массовую культурную продукцию – присоединяются большие страты городского населения. Сложно не заметить огромное значение, массовость и всеобщность подростковой культуры в современном мире: любому хочется стать подростком и через книги и фильмы приобщиться к его способу жизни и видению мира.

Мы имеем дело с тенденцией проявления демографического интереса в культуре. Подростковая литература «не по-детски» пугает взрослых и притягивает их. С. Кинг признавал «Голодные игры» не только высокоскоростным, но и жестоким, шокирующим произведением, от чтения которого он не мог оторваться. И эта сильная доминанта беспокойства и страха породила обратное движение в литературу из подросткового кинематографа. Так, Э. Л. Джеймс пишет фанфик «50 оттенков серого» по франшизе «Сумерки», практически с теми же героями и сюжетными линиями. Чем дальше, тем больше в подростковой литературе и кинематографе на первый план выходят подражательность и аналогичность, задача которых – создать «кассовое» продолжение наиболее популярного в данный период продукта. В бестселлерах подражательность и аналогичность дополняются ярким новым элементом сюжета или пула героев, который запоминается и дает возможность произведению выделиться в ряду себе подобных.

Подросток стремится стать взрослым и использует для опережающего взросления и самоидентификации (с масштабной помощью культурной коммерциализации) фантазийно-виртуальные форматы подростковой культуры, но и целые страты взрослых также вы-

бирают эти же форматы. С какой целью? Приятные ассоциации развлечения и отвлеченности от повседневности – это одно, а бегство от реальности и рецепт психологической защиты – совсем другое. Во взрослом мире подростковые привычки массового инфантилизма чреватые возрастанием числа «городских виртуальных бунтарей», неспособностью большинства людей брать на себя ответственность за решение все усложняющихся проблем.

Лежащий в основе фэнтези подростковый протест, природа которого родственна социальному эскапизму жителя большого города, можно назвать главной причиной тотального успеха жанра. Но тогда и само фэнтези – протестный манифест, окруженный сакральным ореолом. И наиболее талантливые произведения превращаются в идеальный текст-реализацию мечты, в «пра-книгу», повествующую об истории «до истории», которая, будучи широко развернутой в мифологическом пространстве и эпическом времени, обретает необиблейский формат. В пользу этой версии в том числе говорит каноническая четкость и строгость структуры жанра. В этом онтологическом смысле фэнтези – это «религия», то есть восстановленная связь. Связь всего со всем, как это и было в синкретичном древнем мифе.

Заключение

Таким образом, основной воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры заключен в следующем: фэнтези оказывает мощное влияние на духовное образование, на формирование личности подростка, являясь альтернативой институционализированной религии, помогая найти смысл и цель жизни; фэнтези привлекает читателей к науке; усиливает туристическую привлекательность за счет волшебной составляющей места; стирает

грань между литературой и читателем: фандом, фанфики – в большей степени присущи именно фэнтези, практически каждый может расширить мир фэнтези, перешагнув грань между читателем и писателем.

На более общем уровне популярность фэнтези может быть связана с трансформациями, переживаемыми российским обществом в целом, когда литературное чтение для подростков трансформируется в социальный протест постсоветского городского жителя, который сохраняет и пестует в себе социально-психологические и культурные качества не взрослого человека, а вечного подростка. Возможно, эта культурная ситуация временная, и связана она с запоздалым характером постсоветской российской модернизации. Но, возможно, что это не локальная, а некая общая социально-антропологическая тенденция, связанная с наступлением эпохи информационной и технологической сингулярности, когда по отношению к миру робототехники, автоматизированного производства, интернет-технологий и медиа-глобализма социально-антропологические характеристики рода людей всегда будут относиться к «подростковому» типу по сравнению с взрослым «миром умных машин».

Причины игнорирования фэнтези со стороны образовательной системы достаточно разнообразны и связаны напрямую с функциональностью жанра. Фэнтези как средство эскапизма, причина инфантилизма и виртуального бунтарства не только среди подростков, но и среди взрослых закрывают путь данному жанру в общеобразовательную систему с сильной воспитательной составляющей подрастающего поколения. Признание фэнтези альтернативной формой институционализированной религии приводит к необходимости избегания данного жанра в образовательной си-

стеме светского государства. Сильная экономическая составляющая популярности фэнтези (создание произведений по франшизе, зависимость заработков издателей от количества выпускаемых книг) препятствует изучению текстов данного жанра в рамках образовательной системы, направленной на при-

витие идеалов детям и подросткам и свободной от экономической подоплеки. Но при этом игнорирование образовательной системой фэнтези ущемляется и явно положительный образовательный потенциал данного жанра – ярко выраженная креативная функция, способствующая переходу от роли читателя к роли писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Menadue C. B., Jacups S. Who Reads Science Fiction and Fantasy, and How Do They Feel About Science? Preliminary Findings From an Online Survey // *SAGE Open*. – 2018. – Vol. 8 (2). – P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244018780946>
2. Lovell J. Fairytale authenticity: historic city tourism, Harry Potter, medievalism and the magical gaze // *Journal of Heritage Tourism*. – 2019. – Vol. 14 (5–6). – P. 448–465. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2019.1588282>
3. Kibbe M. M., Kreisky M., Weisberg D. S. Young children distinguish between different unrealistic fictional genres // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. – 2018. – Vol. 12 (2). – P. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.1037/aca0000115>
4. Hsu Ch.-T., Jacobs A. M., Citron F. M. M., Conrad M. The emotion potential of words and passages in reading Harry Potter – an fMRI study // *Brain and language*. – 2015. – Vol. 142. – P. 96–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2015.01.011>
5. Robinson C. L. The Namework of Ursula K. Le Guin // *Names*. – 2018. – Vol. 66 (3). – P. 125–134. DOI: <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415541>
6. Wilcox B., Brown B. L., Baker-Smemoe W., Morrison T. G. Tolkien's Phonoprint in Character Names Throughout His Invented Languages // *Names*. – 2018. – Vol. 66 (3). – P. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415544>
7. Eberhardt M. Gendered representations through speech: The case of the Harry Potter series // *Language and Literature*. – 2017. – Vol. 26 (3). – P. 227–246. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963947017701851>
8. Odriozola J. M. J. R. R. Tolkien: The philosophical basis of sub-creative words // *Logos (United States)*. – 2019. – Vol. 22 (3). – P. 105–129. DOI: <https://doi.org/10.1353/log.2019.0023>
9. Pons A. L. Escape and consolation: Narrative voice and metafiction in the Harry Potter series // *Atlantis*. – 2019. – Vol. 41 (1). – P. 125–141. DOI: <https://doi.org/10.28914/Atlantis-2019-41.1.07>
10. Adamiak M. "The king was pregnant": Androgyny and the masculine norm in the literary experiment of Ursula K. Le Guin // *Avant*. – 2017. – Vol. 8 (3). – P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.26913/80302017.0112.0003>
11. Kraatila E. Conspicuous fabrications Speculative fiction as a tool for confronting the post-truth discourse // *Narrative Inquiry*. – 2019. – Vol. 29 (2). – P. 418–433. DOI: <https://doi.org/10.1075/ni.19016.kra>
12. Seymour J. "Friends? Always": The Power of Male Friendship in Harry Potter and the Cursed Child // *Journal of Popular Culture*. – 2019. – Vol. 52 (2). – P. 259–276. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpcu.12774>
13. Simonson M. The Arboreal Foundations of Stewardship in J. R. R. Tolkien's *The Silmarillion* // *English Studies in Africa*. – 2017. – Vol. 60 (2). – P. 12–22.

- DOI: <https://doi.org/10.1080/00138398.2017.1406735>
14. Apostolides A., Meylahn J.-A. The lived theology of the Harry Potter series // *HTS Theologies Studies / Theological Studies*. – 2014. – Vol. 70 (1). – P. 2713. DOI: <https://doi.org/10.4102/hts.v70i1.2713>
 15. Juričková M. "What punishments of God are not gifts?" the meaning of suffering in Tolkien's life and work // *Ars Aeterna*. – 2018. – Vol. 10 (2). – P. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.1515/aa-2018-0011>
 16. Lavinsky D. Tolkien's Old English Exodus and the Problematics of Allegory // *Neophilologus*. – 2017. – Vol. 101 (2). – P. 305–319. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11061-016-9511-7>
 17. Inloes A. Muhammad Abd al-Rahman (Phillip) Barker: Bridging cultural divides through fantasy/science-fiction role-playing games and fictional religion // *Muslim World*. – 2018. – Vol. 108 (3). – P. 387–418. DOI: <https://doi.org/10.1111/muwo.12225>
 18. Robertson B. J. From Fantasy to Franchise: Dragonlance and the Privatization of Genre // *Extrapolation*. – 2017. – Vol. 58 (2–3). – P. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.3828/extr.2017.9>
 19. Wilkins K. 'A crowd at your back': fantasy fandom and small press // *Media International Australia*. – 2018. – Vol. 170 (1). – P. 115–125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1329878X17743524>
 20. Gutfeld D. Fans and franchises: The evolution of factors influencing polish translations of speculative fiction // *Przekładaniec*. – 2018. – Vol. 37. – P. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.4467/16891864PC.18.017.9559>
 21. Varughese E. D. Post-millennial "Indian Fantasy" fiction in English and the question of mythology: Writing beyond the "usual suspects" // *Journal of Commonwealth Literature*. – 2019. – Vol. 54 (3). – P. 460–474. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021989417738282>
 22. Zheng P., Callaghan V. How Chinese SMEs Innovate Using 'Diegetic Innovation Templating' – The stimulating role of Sci-Fi and fantasy // *Futures*. – 2018. – Vol. 95. – P. 98–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.10.005>
 23. Bina O., Mateus S., Pereira L., Caffa A. The future imagined: exploring fiction as a mean of reflecting on Today's Grand Societal challenges and tomorrow's options // *Futures*. – 2017. – Vol. 86. – P. 166–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2016.05.009>
 24. Boerman-Cornell W., Klanderman D., Schut A. Using Harry Potter to Bridge Higher Dimensionality in Mathematics and High-Interest Literature // *Journal of Adolescent and Adult Literacy*. – 2017. – Vol. 60 (4). – P. 425–432. DOI: <https://doi.org/10.1002/jaal.597>
 25. Waysdorf A., Reijnders S. Immersion, authenticity and the theme park as social space: Experiencing the Wizarding World of Harry Potter // *International Journal of Cultural Studies*. – 2018. – Vol. 21 (2). – P. 173–188. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367877916674751>

DOI: [10.15293/2658-6762.2004.12](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2004.12)

Olga Anatolevna Karlova

Doctor of Philosophical Science, Professor,
Department of Advertising and Socio-Cultural Activities,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1845-1267>
E-mail: okarlova@sfu-kras.ru

Natalia Petrovna Koptseva

Doctor of Philosophical Science, Head of Department,
Department of Culturology and Art History,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-3910-7991>
E-mail: decanka@mail.ru (Corresponding Author)

Ksenia Vyacheslavovna Reznikova

Candidate of Philosophical Science, Assistant professor,
Department of Culturology and Art History,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0889-4582>
E-mail: axu-ta@mail.ru

Alexandra Alexandrovna Sitnikova

Candidate of Philosophical Science, Assistant professor,
Department of Culturology and Art History,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1622-2797>
E-mail: alexsemenova@gmail.com

The educational potential of the fantasy genre for modern teenage culture

Abstract

Introduction. *The late 20th and the early 21st centuries witnessed an increased popularity of the fantasy genre (books by J. K. Rowling, J. R. R. Tolkien, C. Lewis, their film adaptations, etc.). Although fantasy literature was initially targeted at schoolchildren and adolescents, it attracts readers of all ages. The research problem is to explain the reasons for mass enthusiasm for the fantasy genre in modern culture and to understand the reasons why this genre is not included into school curricula despite of its popularity among schoolchildren. The purpose of this article is to reveal the educational potential of the fantasy genre for modern teenage culture.*

Materials and Methods. *The article reviews and provides a theoretical analysis of a number of studies into the fantasy genre. The author used semantic structuring and semantic synthesis methods. The material of the research included fantasy novels by J. K. Rowling, J. R. R. Tolkien, C. Lewis, etc.*

Results. *It was found that the main reason for the fantasy genre popularity among readers of all ages is the idea that it represents a modern variant of religious literature, focusing on reestablishing universal links as it was in ancient syncretic myths. Fantasy literature was initially targeted at teenage readers; nevertheless, teenagers are ideal actors for modern culture because they are ready for changes and making choices. Consequently, the majority of modern people are characterized by teenage mentality.*

The reasons for ignoring fantasy by the educational system include the following: considering fantasy as a means of escapism, the cause of infantilism and virtual rebellion; as an alternative form of institutionalized religion; a strong economic component of the popularity of the fantasy genre. At the same time, the positive educational potential of the fantasy genre is underestimated. It contains a pronounced creative function which contributes to the transition from the role of the reader to the role of the writer.

Conclusions. *The main educational potential of the fantasy genre for modern teenage culture lies in its beneficial influence on moral education and personal development of adolescents being an alternative to institutionalized religion and helping them to identify the meaning and purpose of life. Fantasy attracts readers to science and travelling. Moreover, it contributes to fostering creativity among adolescents, enhancing their creative abilities.*

Keywords

Fantasy genre; School curriculum; Extracurricular reading; Teenage culture; Growing-up; Tolkien; Rowling.

REFERENCES

1. Menadue C. B., Jacups S. Who reads science fiction and fantasy, and how do they feel about science? Preliminary findings from an online survey. *SAGE Open*, 2018, vol. 8 (2), pp. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.1177/2158244018780946>
2. Lovell J. Fairytale authenticity: historic city tourism, Harry Potter, medievalism and the magical gaze. *Journal of Heritage Tourism*, 2019, vol. 14 (5–6), pp. 448–465. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2019.1588282>
3. Kibbe M. M., Kreisky M., Weisberg D. S. Young children distinguish between different unrealistic fictional genres. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2018, vol. 12 (2), pp. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.1037/aca0000115>
4. Hsu Ch.-T., Jacobs A. M., Citron F. M. M., Conrad M. The emotion potential of words and passages in reading Harry Potter – an fMRI study. *Brain and Language*, 2015, vol. 142, pp. 96–114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2015.01.011>
5. Robinson C. L. The namework of Ursula K. Le Guin. *Names*, 2018, vol. 66 (3), pp. 125–134. DOI: <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415541>
6. Wilcox B., Brown B. L., Baker-Smemoe W., Morrison T. G. Tolkien's phonoprint in character names throughout his invented languages. *Names*, 2018, vol. 66 (3), pp. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.1080/00277738.2017.1415544>
7. Eberhardt M. Gendered representations through speech: The case of the Harry Potter series. *Language and Literature*, 2017, vol. 26 (3), pp. 227–246. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963947017701851>
8. Odriozola J. M. J. R. R. Tolkien: The philosophical basis of sub-creative words. *Logos (United States)*, 2019, vol. 22 (3), pp. 105–129. DOI: <https://doi.org/10.1353/log.2019.0023>
9. Pons A. L. Escape and consolation: Narrative voice and metafiction in the Harry Potter series. *Atlantis*, 2019, vol. 41 (1), pp. 125–141. DOI: <https://doi.org/10.28914/Atlantis-2019-41.1.07>
10. Adamiak M. “The king was pregnant”: Androgyny and the masculine norm in the literary experiment of Ursula K. Le Guin. *Avant*, 2017, vol. 8 (3), pp. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.26913/80302017.0112.0003>
11. Kraatila E. Conspicuous fabrications Speculative fiction as a tool for confronting the post-truth discourse. *Narrative Inquiry*, 2019, vol. 29 (2), pp. 418–433. DOI: <https://doi.org/10.1075/ni.19016.kra>

12. Seymour J. “Friends? Always”: The power of male friendship in Harry Potter and the cursed child. *Journal of Popular Culture*, 2019, vol. 52 (2), pp. 259–276. DOI: <https://doi.org/10.1111/jpcu.12774>
13. Simonson M. The arboreal foundations of stewardship in J. R. R. Tolkien's the Silmarillion. *English Studies in Africa*, 2017, vol. 60 (2), pp. 12–22. DOI: <https://doi.org/10.1080/00138398.2017.1406735>
14. Apostolides A., Meylahn J.-A. The lived theology of the Harry Potter series. *HTS Theologese Studies/Theological Studies*, 2014, vol. 70 (1), pp. 2713. DOI: <https://doi.org/10.4102/hts.v70i1.2713>
15. Juričková M. “What punishments of God are not gifts?” the meaning of suffering in Tolkien's life and work. *Ars Aeterna*, 2018, vol. 10 (2), pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.1515/aa-2018-0011>
16. Lavinsky D. Tolkien's old English exodus and the problematics of allegory. *Neophilologus*, 2017, vol. 101 (2), pp. 305–319. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11061-016-9511-7>
17. Inloes A. Muhammad Abd al-Rahman (Phillip) Barker: Bridging cultural divides through fantasy/science-fiction role-playing games and fictional religion. *Muslim World*, 2018, vol. 108 (3), pp. 387–418. DOI: <https://doi.org/10.1111/muwo.12225>
18. Robertson B. J. From fantasy to franchise: Dragonlance and the privatization of genre. *Extrapolation*, 2017, vol. 58 (2–3), pp. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.3828/extr.2017.9>
19. Wilkins K. ‘A crowd at your back’: Fantasy fandom and small press. *Media International Australia*, 2018, vol. 170 (1), pp. 115–125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1329878X17743524>
20. Gutfeld D. Fans and franchises: The evolution of factors influencing polish translations of speculative fiction. *Przekładaniec*, 2018, vol. 37, pp. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.4467/16891864PC.18.017.9559>
21. Varughese E. D. Post-millennial “Indian Fantasy” fiction in English and the question of mythology: Writing beyond the “usual suspects”. *Journal of Commonwealth Literature*, 2019, vol. 54 (3), pp. 460–474. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021989417738282>
22. Zheng P., Callaghan V. How Chinese SMEs innovate using ‘diegetic innovation templating’ – The stimulating role of Sci-Fi and fantasy. *Futures*, 2018, vol. 95, pp. 98–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.10.005>
23. Bina O., Mateus S., Pereira L., Caffa A. The future imagined: Exploring fiction as a mean of reflecting on Today's Grand Societal challenges and tomorrow's options. *Futures*, 2017, vol. 86, pp. 166–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2016.05.009>
24. Boerman-Cornell W., Klanderma D., Schut A. Using Harry Potter to bridge higher dimensionality in mathematics and high-interest literature. *Journal of Adolescent and Adult Literacy*, 2017, vol. 60 (4), pp. 425–432. DOI: <https://doi.org/10.1002/jaal.597>
25. Waysdorf A., Reijnders S. Immersion, authenticity and the theme park as social space: Experiencing the wizarding world of Harry Potter. *International Journal of Cultural Studies*, 2018, vol. 21 (2), pp. 173–188. DOI: <https://doi.org/10.1177/1367877916674751>

Submitted: 25 January 2020

Accepted: 10 July 2020

Published: 31 August 2020

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).